
ЗВУЧАЩИЕ СМЫСЛЫ

УДК 78.01

С.Я. Левит®

А.М. КУЗНЕЦОВ И «УМОЗРЕНИЕ В ЗВУКАХ» М.В. ЮДИНОЙ

Аннотация. Статья посвящена А.М. Кузнецову (03.08.1935–11.06.2010) – замечательному исследователю творческого наследия крупнейшего музыканта и христианского мыслителя XX в. М.В. Юдиной.

Ключевые слова: жизнь; творчество; истина; идеал; смысл; память; диалог; синтез; умозрение; соборность одухотворенность; ценности; эстетическое и этическое; искусство; музыка; священнодействие; символизация; целостность; формула бытия; новая культура; авангард; вера; благодать; райское инобытие.

S. Ya. Levit

A.M. Kuznetsov and «speculation in sounds» M.V. Yudina

Abstract. The article is devoted to A.M. Kuznetsov (03.08.1935–11.06.2010) – a wonderful researcher of the creative heritage of the great musician and Christian thinker of the twentieth century M.V. Yudina.

Keywords: life; creativity; truth; ideal; sense; memory; dialogue; synthesis; speculation; Catholic spirituality; values; aesthetic and ethical; arts; music; ritual; symbolism; integrity; a formula of life; a new culture; avant-garde; faith; grace; Paradise otherness.

Событием культурной жизни России был выход в свет в серии «Российские Пропилеи» восьми томов, посвященных наследию крупнейшего музыканта и христианского мыслителя XX в. Марии Вениаминовны Юдиной. Эти книги составлены и подготовлены замечательным исследователем ее жизни и творчества Анатолием Михайловичем Кузнецовым. Если бы не «культовое отношение» к М.В. Юдиной А.М. Кузнецова, составителя и комментатора этих книг, могла бы «прерваться тонкая нить людской памяти» (1, с. 7).

В книге «Лучи Божественной Любви» (11), вышедшей в 1999 г., А.М. Кузнецов собрал статьи М.В. Юдиной о композиторах разных эпох, о музыкальном исполнительстве, а также интеллектуально богатые, страстные письма Юдиной – документы эпохи. Эти статьи и воспоминания воссоздают облик одной из самых замечательных женщин в истории человечества. Ее образ предстает в разных ипостасях: мудрого художника и педагога, филантропа-христианина, стойкого борца за справедливость, страстно любящей натуры. Письма, вошедшие в книгу «Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 гг.» (12), дают представление о многих трагических и героических событиях минувшей эпохи, участниками которых были друзья – адресаты М.В. Юдиной.

Как отмечает А.М. Кузнецов, письма Юдиной никогда не были формальными, они всегда, даже в наиболее зловещие годы, когда им был свойствен эзопов язык, заключали в себе максимум правды. «Какой бы ни был повод, важный или нет, она не утаивала ни главного, ни второстепенного, цель любого ее высказывания, а значит, и каждого ее письма была одна: истина, движение к ней, поиск ее – во что, вовлеченная сама, она волей или неволей вовлекала и собеседника – адресата» (5, с. 8). Причем, подчеркивает А.М. Кузнецов, эта истина опиралась на нравственно-религиозные постулаты – ее послания имели христианскую подоплеку. В письмах личное «я» Юдиной отодвигалось на второй план, а на первый план выступала «ориентация на другого», стремление выслушать и понять другого, неутолимая жажда

диалога, общения как *формы существования*. Она не была поражена бациллой «самовыражения», душевной болезнью «самоутверждения» в жизни любой ценой (этой пагубы искусства XX в.), отмечает А.М. Кузнецов). М.В. Юдина была человеком и художником, «каждое мгновение осознававшим *свое присутствие в Вечности*, что и сделало ее личностью особого типа, уникальной в мировом общечитии» (5, с. 9).

А.М. Кузнецов характеризует ее как личность «*симфоническую*», художника огромного кругозора, вобравшего в себя бесценные богатства мировой культуры: «культура в высшем смысле... была для нее реализованным *синтезом* духовных свершений своих и своего времени» (5, с. 10). И этого синтеза она добилась в своем искусстве музыканта, «искусстве абсолютной духовной наполненности, ныне нередко уподобляемого иконописи (“умозрению в звуках”))» (там же).

Вместе с тем, отмечает А.М. Кузнецов, Юдина – человек «*соборный*»; доминантой ее жизни и искусства является христианство и повышенный интерес к экуменизму, с которым она связывала надежду обретения единства если не церковей, то исповедников разных вер (там же). Соборность Юдиной проявляла себя в исполнительстве, педагогике, поиске и обретении единомышленников, в заботе о неустроенных людях, о страдальцах и изгоях. «В решении задач государственного масштаба соборностью была солидарность с народом – в жизни Церкви, в желании участвовать в Великой Отечественной войне как бойцу, в поездках в блокадный Ленинград» (там же).

Все это нашло отражение в ее письмах, которые А.М. Кузнецов рассматривает как исторические документы, которые, по его мнению, со временем будут отнесены к литературным памятникам минувшей эпохи.

Непреодолимая историческая и духовная ценность писем М.В. Юдиной, ее литературного наследия ясно осознавалась владельцами этих писем, и многие из них передавали исследователю их безвозмездно.

Работа по собиранию и комментированию писем осуществлялась А.М. Кузнецовым в процессе общения с теми современниками Марии Вениаминовны, которые знали ее лично, и с теми, кто только слушал ее на концертах и лекциях, или только в записи, но слушая Юдину, сердцем и душой постигали ее «умозрение в звуках».

Ее искусство современники называли «прорывом в высшую реальность». В общении со многими из этих людей в годы накопления, осмысления и комментирования юдинских текстов формировалась основа этого многотомного издания, воссоздающего образы ее (и наших) замечательных современников и сохраняющего их в памяти потомков.

Включенные в многотомное издание статьи, воспоминания, письма Юдиной создают особую ауру, которая носит такое простое название – *одухотворенность*. А.М. Кузнецов вспоминает, что она любила цитировать строки Пастернака о художнике, у которого – «Преображенной из его красильни / Выходит жизнь, действительность и быть...» И из «красильни» Юдиной действительность также выходила преображенной. «Звуки ее рояля преображали действительность в прямом смысле слова: она становилась иной, очищенной от всего мелко-будничного, осмысленной, внушающей надежду» (4, с. 5).

В лице, образе М.В. Юдиной осуществлялось, полагает А.М. Кузнецов, движение из катакомб, в которых наша культура принудительно оказалась в послереволюционное время, – движение к правде, к Свету, а Высший Свет для нее олицетворялся Божественной Любовью, беспредельно расширяющей человеческие возможности.

В том «Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки» (13) А.М. Кузнецов включил письма Юдиной 1946–1955 гг. В них отразились драматические события ее жизни и ближайшего окружения, связанные с крушением надежд на обретение страной в послевоенные годы большей свободы слова, демократизацию жизни. В письмах Юдиной отчетливый резонанс получили такие события, как кампания, направленная на борьбу с «формализмом» в искусстве и «космополитизмом» в общественной жизни, травля отечественных композиторов, увольнение Юдиной из консерватории, возвращение друзей из ГУЛага.

Письма М.В. Юдиной за это десятилетие богаче внешней тематики. Духовным камертоном являются письма М.В. Юдиной к ее друзьям – носителям «вечных заветов» – Б.Л. Пастернаку, Н.А. Заболоцкому, А.М. Бахтину. В этих письмах, отмечает А.М. Кузнецов, льется струя духовно-религиозная, органичная для ее внутреннего мира. Эта тема скрыта, но ощутима, «она мерцает во всей этой огромной толще человеческих документов, то и дело напоминая о *высших ценностях*,

без которых невозможно само существование человека. Помимо беспредельной человечности, окрашивающей письма, рожденные под пером Марии Вениаминовны и ее друзей, этот нравственный поток без какой-либо дидактики перетекает в наши сердца, просветляет ищущий истины ум» (13, с. 8).

В очерке жизни и творчества М.В. Юдиной А.М. Кузнецов пишет о том, что красной нитью от юности до конца жизни у Юдиной проходит понимание нераздельности эстетического и этического в искусстве. В поле ее эстетического зрения по мере воцерковления оставалась исключительно *духовная сущность музыки* и других форм культуры. «Даже музыка “безрелигиозная”, “светская” (более всего современная) оставалась для нее попыткой выявления в ней общечеловеческих нравственных категорий». В этом смысле, полагает А.М. Кузнецов, – яркий пример ее восприятия творчества Шостаковича, которое для нее было формой выражения отчаяния («воплъ погибающей души всего современного человечества»). «Отчаяние» же, по мысли Юдиной, – преддверие «покаяния» (10, с. 19).

А.М. Кузнецов отмечает энциклопедическую образованность Юдиной, проштудировавшей величайшие философские и богословские труды, сформировавшие ее мышление в богословских рамках. Она называла себя «соловьёвкой», следуя традиции русской философской мысли XX в., развивавшей идеи В.С. Соловьёва, а «жажда опереть себя на Столп и Утверждение Истины (см. ее конспект известного труда П.А. Флоренского в “Невельском дневнике”) диктовала Юдиной и основную линию ее поведения, артиста и человека, – реализацию себя средствами музыки как проповедника слова Христова, а значит, претворение обычной игры на рояле в “священнодействие”» (там же). Она работала «за роялем с Евангелием в руках» – так она определяла свое место в искусстве.

Суть ее игры Б.Л. Яворский определил как «одухотворенную символику». Она считала, что музыкант достигает высших художественных результатов только посредством «символизации» исполняемого произведения. В этих размышлениях она отталкивалась от высказываний П.А. Флоренского, Б.Л. Яворского, Л.С. Выготского. Соприкосновение с музыкой открывало для нее *новое понимание* реальности, порождало стремление противопоставить разъединяющему духу анализа дух *синтеза*, распаду искусства на элементы – *целостность*.

Именно целостность, синтез, полагает А.М. Кузнецов, – важнейшие моменты эстетики Юдиной. Именно целостные формы выражают *суть* и *смысл* современности.

«Синтез» – излюбленный ее термин в рассуждениях об искусстве. Этот термин заключал в себе многое: «общее дело в труде и творчестве, богопознание в поиске Истины, соборность и Любовь в мироустройстве. Одержимая искусством слова так же, как искусством звуков, она была перенасыщена поэтическими формулами. Любая цитата, из Вяч. Иванова, Пастернака или Заболоцкого, Новалиса, Гёте или Рильке, Мандельштама или Бродского, звучала из ее уст, из-под ее пера как *формула бытия*, как его *живой символ*» (10, с. 20).

Отмечая радикализм Юдиной – типичного представителя «новой культуры», возникшей в начале XX в., А.М. Кузнецов находит отчетливые параллели между ее игрой, конструктивной, построенной на логически подготовленных контрастах, наделенной четкой концепцией, и режиссерскими находками Вс. Э. Мейерхольда, приемами художников В.В. Кандинского, К.С. Малевича, В.А. Фаворского, П.Н. Филонова, архитекторов Ле Корбюзье, Ф.Л. Райта, братьев Весниных новой поэтики В.В. Хлебникова, Р.М. Рильке, О.Э. Мандельштама, Дж. Джойса, А. Белого.

Искусство Юдиной принадлежит к интеллектуальной ветви музыкальной культуры XX в. Ее мирозерцанию свойственно «фаустовское» (научное) начало. В ее последние годы это проявилось наиболее отчетливо, «когда классическое искусство почти целиком было отодвинуто в сторону ради ценностей “авангарда”, тотально отрицаемого советской идеологией» (10, с. 21). Тогда в ее музыковедческих лекциях появились имена Эйнштейна, Планка, Ландау, Вернадского, Ю.М. Лотмана, «семиотика вошла в ее интеллектуальный багаж» (там же).

А.М. Кузнецов отмечает уникальность мировоззрения Юдиной, сформированного немецкой метафизикой, отечественной религиозной мыслью, святоотеческой духовностью. Он говорит о Юдиной как о духоносной личности, человеке глубочайшей веры. «Игра Юдиной была актом религиозного переживания, актом познания и актом любви, смело можно сказать – призывом любить друг друга, поиском “семени Истины” и прославлением Бога. Благодать присутствовала в каждом творческом движении ее личности. Она знала, что безблагодатная игра – лишь “медь звенящая или кимвал звучащий” (1 Кор. 13, 1).

Ее игра и была личным общением с Богом, а духовная любовь, извлекаемая из гениальных творений, – преодолением самости и самоотжества (Я=Я)» (10, с. 21).

В своем творчестве Юдина взывала к мировой культуре выйти из эмпирической сферы в новую действительность, преображенную Словом Христа. «Совершенная красота ее игры – это синтез нотного текста и “мысленного Света... Света трисолнечного, просвещающего мир” (выражение Флоренского)» (10, с. 22).

В книге «Жизнь полна Смысла» (14) А.М. Кузнецов собрал письма Юдиной, охватывающие период с 1956 по май 1959 г. Это время отмечено определенной свободой творчества – широкому слушателю открылись ранее запрещенные сочинения европейских мастеров и российских композиторов-«формалистов». Изменился ее круг общения – одни из корреспондентов ушли из жизни, другие вернувшись из лагерей и ссылок, возобновили прерванное общение, появились новые корреспонденты, которые обретали ее – хранительницу вечных ценностей, открытую для духовного общения. Это обретение новых собеседников, изменение внутренней формы ее жизни Юдина определила как «кольцо мировой симпатии». «Кольцо мировой симпатии» расширилось «как следствие открывшейся свободы, пока не ограниченной новыми приступами идеологической истерии... “Кольцо мировой симпатии” к началу 1960-х годов приобрело определенное философско-эстетическое содержание, и становилось ясно, что новый оптимизм Юдиной стимулировался и присущим ее познавательным процессом нового, к чему она... носительница *фаустовского* начала, была склонна с юных своих лет» (6, с. 7). Ее письма конца 1950-х – начала 1960-х годов приоткрывают тайны познания нового музыкального языка, новых музыкальных форм, «новой музыки». И этот том писем А.М. Кузнецов рассматривает как иллюстрацию к истории заката советской (официальной) музыкальной культуры и истории зарождения *новой культуры*.

В эти годы Юдина сложилась как мастер-исполнитель и художник-мыслитель. В середине 1950-х годов она вступила в период, который Кузнецов определяет как «период отражения Райского бытия». Касаясь внутренней наполненности жизни Юдиной, музыканта-христианина, наделенной даром переносить свое постижение Горнего мира в интерпретации *любого* исполняемого сочинения, А.М. Кузне-

цов утверждает, что «эта наполненность (скорее – “переполненность”, избыточность) была отражением *мироощущения* и мышления Юдиной, всего бытия ее духа и метаморфозы ее души, была выражением *последнего Итога существования* личности – ее устремленности к Богу, именно – к безмятежности Райского бытия» (6, с. 8). *Предоущение* грядущего Рая мы находим в эпистолярном наследии Юдиной, а в ее игре воплотилась сфера Райского инобытия, Райского Блаженства. Весь репертуар 1956 г., отмечает А.М. Кузнецов, – воспевание Райского блаженства: «Моцарт – певец Райского блаженства – стал центром “солнечной системы” ее пианизма, именно Моцарт – само солнце... праведник Бах, вечный спутник Юдиной, по-прежнему в центре ее внимания, тем более в этот период – воспевания Райского блаженства. Под знаком благодати и визионерства прочитывается Юдиной весь Бетховен, он во власти ее духовидения: почти все сонаты играет она в это четырехлетие и чаще всего именно подводящую к итогам бытия 29-ю (“Хаммерклавір”) и уносящую душу вместе с ариозо в Райские сферы 32-ю. Шуберт, весь пронизанный Лучами Божественной Любви (экспромты), стал манифестацией добра и милосердия с этой же поры, и прошел Шуберт с ней, как Ангел-хранитель, весь ее путь до последнего ее вздоха...» (там же).

А.М. Кузнецов проникает в суть репертуара Юдиной этих лет и определяет ее следующим образом: «перед нами не что иное, как обращенный к нам музыкально-религиозный катехизис» (6, с. 8). И никакие испытания и житейские драмы не могли нарушить райское блаженство ее духа. М.В. Юдина достигла высочайшего взлета, исполняя шедевры классики, открыла широкому слушателю запрещенные имена творцов европейского «авангарда». Она вела плодотворный диалог с выдающимися деятелями русской музыки в эмиграции – И.Ф. Стравинским, П.П. Сувчинским, Н.А. Малько, видными зарубежными композиторами и музыковедами. В письмах к ним раскрывается «райское бытие» души и ума Марии Вениаминовны Юдиной.

Она включала в свой репертуар сочинения, в прежние годы не допускавшиеся к исполнению как «декадентские» и «формалистические»: пьесы Шостаковича, Прокофьева, Берга, Веберна, Бартока, Стравинского, Хиндемита, Сероцкого, Лютославского, Мессиаана звучали под ее пальцами. Как отмечает А.М. Кузнецов в книге «В искусстве радостно быть вместе» (15), это не было «агрессией авангар-

да» или же «эпатажем», как пытались изобразить ситуацию ее недоброжелатели. «Это была победа Духа, а еще и здравого смысла, безупречного вкуса, вдохновенного мастерства» (7, с. 6).

Уже в конце 1950-х годов благодаря уникальной способности М.В. Юдиной находить истинные таланты страна познакомилась с опусами гонимых тогда, а ныне таких прославленных мастеров, как Андрей Волконский, Николай Каретников, Арво Пярт, София Губайдулина, Валентин Сильвестров, Эдисон Денисов, Альфред Шнитке. Ее интересуют разнообразные темы, в первую очередь, направленные на изучение путей современного искусства, освоение образцов новой западной музыки – от Белы Бартока до пьес Штокгаузена и Булеза. «Она искала лучшее повсюду, убежденная, что “Дух дышит, где хочет” – ее любимый евангельский рефрен» (7, с. 8).

Как отмечает Кузнецов, может создаться впечатление, что в эти годы (1959–1961) возник перерыв в общении с классикой и акцент был сделан на современной музыке. Но это не так. «Просто ей приходилось *жертвовать* возможностью играть глубоко почитаемых Баха, Бетховена, Мусоргского, Шуберта и Брамса ради выигрыша времени для дорогих открывшейся ей творцов нового времени» (там же). Но скоро наступит равновесие, и Бах, Шуберт, Брамс «возвысятся над уже признанными, но еще не проверенными временем новейшими именами...» (там же).

Открытие Юдиной достижений позднего Стравинского, пишет Кузнецов, отодвинуло в сторону поиски новых созвучий, как самоцели, хотя до конца жизни она продолжает, несмотря на сопротивление официоза, возвращаться к опытам «авангардистов», к феномену новой (современной) музыки, и утверждению неиссякаемости духовного начала в искусстве. И все-таки корифеям «предавангарда» и самого «авангарда» – Кшенеку, Веберну, Бергу, Хиндемиту, Штокгаузену, Волконскому, Сероцкому, Булезу – пришлось уступить Стравинскому, который «соединил в себе вечные ценности с обновленными, нарушившими традицию приемами композиции» (8, с. 6).

Стравинский, по словам А.М. Кузнецова, явился на пути Юдиной как чудо и подтвердил для нее те «Смыслы» в искусстве и бытии, которые она сама утверждала. «Смыслы» же суть Истины, Идеалы, которыми она «дышала» и хотела, чтобы они «дышали» в каждом из нас. Явление Стравинского на родине в сентябре 1962 г. воспринималось

Юдиной как событие *мессианское*. У нее предельно была развита интуиция. «*Интуиция Истины*, по-видимому, подсказывала ей, что явление Стравинского на родной земле выходит за пределы чистой музыки, но пророчит в ее пределах какие-то глобальные изменения, катастрофы, перестройки, одним словом – “весну священную”, которая за полвека до этого визита уже разразилась в России. И не напоминает ли сама Юдина ту самую “Избранницу” – персонажа балета Стравинского “Весна священная” – которая в экстазе встречая и провозглашая “Весну”, приносит себя в жертву... Это была великая жертва мученицы, а может быть, и символ народной судьбы» (8, с. 8). Через два десятилетия после приезда Стравинского к нам «весна священная», как кардинальное изменение русской жизни, наступила снова, но оба пророка этой новой весны не дождались, пишет А.М. Кузнецов в книге «Дух дышит, где хочет» (16).

После «звездного часа» Марии Вениаминовны, когда произошел прорыв в ее репертуаре к современной музыке, когда в конце 1950-х – начале 1960-х годов она стала играть пьесы прежде запрещенных композиторов, а в 1962 г. встретила с великим Стравинским, неожиданно произошло непоправимое – запретили выступать в публичных концертах, обвинив ее во всех смертных грехах, больше всего в пропаганде композиторов-«формалистов», от Стравинского до А. Волконского.

Юдина попала в мышеловку, которую на ее «звездном пути» расставили идеологи (17). «Гипертрофированная мышеловка, в которую попала русская культура в 1960-е годы, была сильно повреждена духом таких личностей, как Мария Вениаминовна. Рядом с кафкианским идеологическим монстром возник храм Любви и Сострадания, возведению которого Юдина... посвятила всю свою жизнь. Бессилие, “нереальность зла”, в чем Мария Вениаминовна была твердо убеждена, и о чем пишет она во многих письмах, получает неопровержимое доказательство, когда мы погружаемся... в стихию ее слова» (9, с. 9).

Основной лейтмотив писем, вошедших в последний том переписки «Пред лицом Вечности» (18), – «...возврат долгов всем и подготовка к Вечности» (18, с. 66). У порога Вечности, которую Юдина ощущала и к которой как истинная христианка она готовилась каждое мгновение, она ясно сознает, что наступил «последний путь» – «Путь

крестный», т.е. путь на Голгофу – завершение жизни, подготовка к смерти, «подведение итогов» (3, с. 5).

В письме к В.С. Люблинскому она пишет: «А я вся во внутренних слезах – прощания, Прощания!.. В Церкви слезы эти достигают глаз, и плачешь, плачешь, обо всех и обо всем, и о себе. – Хочется еще нечто прекрасное и полезное совершить и умереть в мире и принятом Богом Покаянии» (18, с. 37).

Чувство горькой обиды на непонимание, на незаслуженное и несправедливое отвержение многих ее идей, пишет М.А. Дроздова, сдало ее, но при этом она ясно сознавала свои богатейшие возможности и мечтала многое сказать людям (2, с. 223). «Она – как раненая птица с подрезанными крыльями, все еще жаждущая летать! Вот это – еще *один лейтмотив*, пронизывающий письма последних лет» (3, с. 7).

В последние годы *еще один лейтмотив* – одиночество, отсутствие реальной поддержки – приобретает оттенок полной безысходности – «эпистолярная дружба, даже освященная десятилетиями тесных связей и щедрым обменом духовными дарами – это одно. А простая возможность иметь рядом человека, с которым существует полное, молчаливое взаимопонимание и который готов принять на себя... все тяготы жизни – это совсем другое» (3, с. 10). И такого человека не было. И в этом – *трагедия одиночества*.

Ее мечты о братстве семейного толка, об общине философов, музыкантов, людей искусства не сбылись. А теперь – только «Вера, Религия, Бог – высшие и глубочайшие сущности для сердца, ума и поступков человека; данные ему навеки и всегда заново переживаемые» (16, с. 625) давали ей силы для жизни и творчества.

Мария Вениаминовна, полагает М.А. Дроздова, принадлежит к тому типу художников, «которым для творчества, для полноценной, полнокровной жизни *необходима* была определенная *концентрация страдания*, причина которой была, по всей видимости, неустраима (пользуясь любимым словом Юдиной, – невычитаема), так как находилась в сердцевине душевной структуры этой удивительной женщины» (3, с. 12).

* * *

Благодаря усилиям Анатолия Михайловича Кузнецова в этом многотомном издании собрано и откомментировано практически все ли-

тературное наследие крупнейшего христианского мыслителя Марии Вениаминовны Юдиной. Работу над последним томом переписки «Пред лицом Вечности» (18) завершали Марина Анатольевна Дроздова, Леонид Менделевич Тумаринсон и вдова Анатолия Михайловича Кузнецова Тамара Ивановна Янкевич. Анатолий Михайлович покинул этот мир 11 июня 2010 г.

В последнем разговоре со мной он поделился радостью – вновь перечитал «Улисса» Джойса, пронизанного неоренессансной идеей абсолютного превосходства человека по сравнению с обществом. И советовал мне последовать его примеру.

Во время пожара в ИНИОН в моем кабинете сгорел портрет Анатолия Михайловича и рисунок Олега Гостева, на котором была изображена М.В. Юдина за роялем.

Список литературы

1. *Гамазкова Т.И.* Музыкой, или Словом // Независимая газета. Приложение «Религия». – М., 2000. – № 10, 31.5. – С. 7. – Рец. на кн.: Юдина М. Лучи Божественной любви. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 815 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
2. *Дроздова М.А.* Мария Юдина: Религиозная судьба. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. – 272 с.
3. *Дроздова М.А.* «Я вся во внутренних слезах – Прощание...» // *Юдина М.В.* Пред лицом Вечности. Переписка 1967–1970 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 5–13.
4. *Кузнецов А.М.* Из катакомб. (От составителя) // *Юдина М.* Лучи Божественной Любви. Литературное наследие / Сост. А.М. Кузнецов. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 5–7.
5. *Кузнецов А.М.* Письма М.В. Юдиной – исторические документы. (От составителя) // *Юдина М.* Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.; СПб.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 7–21.
6. *Кузнецов А.М.* «Кольцо мировой симпатии». (От составителя) // *Юдина М.В.* Жизнь полна Смысла. Переписка 1959–1959 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 5–9.
7. *Кузнецов А.М.* Звездный час Марии Юдиной. (От составителя) // *Юдина М.В.* В искусстве радостно быть вместе. Переписка 1959–1961 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 5–10.
8. *Кузнецов А.М.* Явление мессии – Стравинского советским слушателям (М.В. Юдина и приезд И.Ф. Стравинского в СССР) // *Юдина М.В.* Дух дышит, где хочет. Переписка 1962–1963 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 5–8.

9. *Кузнецов А.М.* В мышеловке (М.В. Юдина в 1964–1966 гг.) // *Юдина М.В.* Нереальность зла. Переписка 1964–1966 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 5–9.

10. *Кузнецов А.М.* М.В. Юдина – новое понимание реальности // *Юдина М.* Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 12–22.

11. *Юдина М.В.* Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 815 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

12. *Юдина М.В.* Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 868 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

13. *Юдина М.В.* Обреченная абстракции, символикe и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 592 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

14. *Юдина М.В.* Жизнь полна смысла. Переписка 1956–1959 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 600 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

15. *Юдина М.В.* В искусстве радостно быть вместе. Переписка 1959–1961 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 815 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

16. *Юдина М.В.* Дух дышит, где хочет. Переписка 1962–1963 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 855 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

17. *Юдина М.В.* Нереальность зла. Переписка 1964–1966 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 677 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

18. *Юдина М.* Пред лицом Вечности. Переписка 1967–1970 гг. / Сост. А.М. Кузнецов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 592 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).

References

1. *Gamazkova T.I.* Muzykoj, ili Slovom // *Nezavisimaya gazeta.* Prilozhenie «Religiya». – М., 2000. – № 10, 31. V. – С. 7 – Rec. na kn.: M. Yudina. Luchi Bozhestvennoj lyubvi. – М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – 815 с. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).

2. *Drozdova M.A.* Mariya Yudina: Religioznaya sud'ba. – М.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2016. – 272 s.

3. *Drozdova M.A.* «Ya vsya vo vnutrennih slezah – Proshchanie...» // *Yudina M.V.* Pred licom Vechnosti. Perepiska 1967–1970 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – М.; SPb.: Centr gumanitarnyh initsiativ, 2013. – S. 5–13.

4. *Kuznecov A.M.* Iz katakomb. (Ot sostavitelya) // *Yudina M.* Luchi Bozhestvennoj Lyubvi. Literaturnoe nasledie / Sost. A.M. Kuznecov. – М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – S. 5–7.

5. *Kuznecov A.M. Pis'ma M.V. Yudinoy – istoricheskie dokumenty. (Ot sostavitelya) // Yudina M. Vysokij stojkij duh. Perepiska 1918–1945 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.; SPb.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2006. – S. 7–21.*

6. *Kuznecov A.M. «Kol'co mirovoj simpatii». (Ot sostavitelya) // Yudina M.V. Zhizn' polna Smysla. Perepiska 1959–1959 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. – S. 5–9.*

7. *Kuznecov A.M. Zvezdnyj chas Marii Yudinoy. (Ot sostavitelya) // Yudina M.V. V iskusstve radostno byt' vmeste. Perepiska 1959–1961 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2009. – S. 5–10.*

8. *Kuznecov A.M. Yavlenie messii – Stravinskogo sovetским slushatelyam (M.V. Yudina i priezd I.F. Stravinskogo v SSSR) // Yudina M.V. Duh dyshit, gde hochet. Perepiska 1962–1963 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. – S. 5–8.*

9. *Kuznecov A.M. V myshelovke (M.V. Yudina v 1964–1966 gg.) // Yudina M.V. Ne-real'nost' zla. Perepiska 1964–1966 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. – S. 5–9.*

10. *Kuznecov A.M.M.V. Yudina – novoe ponimanie real'nosti // Yudina M. Obrechennaya abstrakcii, simvolike i besplotnosti muzyki. Perepiska 1946–1955 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. – S. 12–22.*

11. *Yudina M.V. Luchi Bozhestvennoj Lyubvi. Literaturnoe nasledie. – M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – 815 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

12. *Yudina M.V. Vysokij stojkij duh. Perepiska 1918–1945 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2006. – 868 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

13. *Yudina M.V. Obrechennaya abstrakcii, simvolike i besplotnosti muzyki. Perepiska 1946–1955 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. – 592 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

14. *Yudina M.V. Zhizn' polna Smysla. Perepiska 1956–1959 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. – 600 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

15. *Yudina M.V. V iskusstve radostno byt' vmeste. Perepiska 1959–1961 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2009. – 815 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

16. *Yudina M.V. Duh dyshit, gde hochet. Perepiska 1962–1963 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. – 855 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

17. *Yudina M.V. Nereal'nost' zla. Perepiska 1964–1966 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. – 677 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*

18. *Yudina M. Pred licom Vechnosti. Perepiska 1967–1970 gg. / Sost. A.M. Kuznecov. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. – 592 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).*